

Научная статья

УДК 332.13, 338.012

JEL: R12, R13, R50, R58

<https://doi.org/10.18184/2079-4665.2026.17.3.539-554>

Инструменты межуровневого и межмуниципального взаимодействия в управлении развитием агломерации: кейс Екатеринбурга

Ноженко Дмитрий Юрьевич¹, Шишкина Елена Александровна²

^{1,2}Уральский государственный экономический университет; Екатеринбург, Россия

¹nogenkod74@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-7549-1185>

²le_gre@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1280-3105>

Аннотация

Цель исследования: обоснование конфигурации вертикальных (межуровневых) и горизонтальных (межмуниципальных) механизмов взаимодействия в управлении агломерационным развитием, учитывающей стадии управленческого цикла и обеспечивающей сбалансированное развитие ядра и периферии.

Методы. В работе использованы системный, сравнительно-сопоставительный, статистический, институциональный анализ, кейс-стади, функциональная типология. Объектом исследования выступает Екатеринбургская городская агломерация (ЕГА), выбор которой обусловлен длительной историей межмуниципального взаимодействия, разнородностью входящих муниципальных образований и репрезентативностью проблем для российских агломераций.

Результаты работы. Обосновано, что Екатеринбургская агломерация представляет собой гетерогенную территориально-экономическую систему, управление которой носит гибридный характер. На этапах инициации, экспертизы и согласования решений доминируют горизонтальные механизмы (межмуниципальные соглашения, экспертные сессии, совместные дорожные карты), тогда как на этапах ресурсного обеспечения и нормативного утверждения сохраняется решающая роль вертикальных каналов (региональное и федеральное финансирование, утверждение планов уполномоченными комиссиями). Разработана функциональная классификация межмуниципальных проектов, включающая пространственно-связующие, индустриально-размещенческие, инфраструктурно-обеспечивающие и социально-аттрактивные типы, что позволяет адресно проектировать управленческие решения с учетом дифференцированной включенности муниципалитетов в агломерационные процессы.

Выводы. Гибридная модель управления обеспечивает продвижение стратегических инициатив и координацию интересов участников, однако содержит системные ограничения: зависимость от вертикального финансирования при отсутствии закрепленного финансового обеспечения межмуниципальных проектов, асимметрию власти между ядром и периферией, юридическую необязательность горизонтальных договоренностей, а также отсутствие механизмов синхронизации взаимозависимых проектов и мониторинга их реализации. Достижение целевых ориентиров развития агломерации требует ее институционального оформления как субъекта управления с определением функций, источников финансирования и процедур принятия решений на межмуниципальном уровне. Перспективы дальнейших исследований связаны с количественной оценкой результативности межмуниципальных проектов и сравнительным анализом практик других российских агломераций.

Ключевые слова: агломерация, управление, регион, экономическое пространство, межмуниципальное взаимодействие, гибридная модель управления, Екатеринбургская агломерация

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Ноженко Д. Ю., Шишкина Е. А. Инструменты межуровневого и межмуниципального взаимодействия в управлении развитием агломерации: кейс Екатеринбурга // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2026. Т. 17. № 3. С. 539–554

EDN: <https://elibrary.ru/wvqlwu>. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2026.17.3.539-554>

© Ноженко Д. Ю., Шишкина Е. А., 2026

Original article

Tools for inter-level and inter-municipal interaction in the management of agglomeration development: The case of Yekaterinburg

Dmitry Y. Nozhenko¹, Elena A. Shishkina²^{1,2} Ural State University of Economics; Yekaterinburg, Russia¹ nogenkod74@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-7549-1185>² le_gre@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1280-3105>

Abstract

Purpose: to identify configuration of vertical (inter-level) and horizontal (inter-municipal) mechanisms of interaction in the management of agglomeration development, taking into account the stages of the management cycle and ensuring balanced development of the core and periphery.

Methods: systematic, comparative, statistical, institutional analysis, case study, functional typology are used. The object of the study is the Yekaterinburg urban agglomeration, which was chosen due to a long history of inter-municipal cooperation, the heterogeneity of its constituent municipalities and the representativeness of the problems for Russian agglomerations.

Results: it is proved that the Yekaterinburg agglomeration is a heterogeneous territorial and economic system, the management of which is of a hybrid nature. It has been established that horizontal mechanisms dominate at the stages of initiation, examination and approval of decisions, while vertical channels remain crucial at the stages of resource provision and regulatory approval. A functional classification of inter-municipal projects has been developed, which makes it possible to design management decisions in a targeted manner, taking into account the differentiated involvement of municipalities in agglomeration processes.

Conclusions and Relevance: the hybrid management model ensures the promotion of strategic initiatives and coordination of the interests of participants, but contains systemic limitations: dependence on vertical financing in the absence of fixed financial support for inter-municipal projects, the asymmetry of power between the core and the periphery, the legal non-requirement of horizontal agreements, as well as the lack of mechanisms for synchronizing interdependent projects and monitoring their implementation. It is established that achieving the development targets of an agglomeration requires its institutional design as a management entity with the definition of functions, sources of financing and decision-making procedures at the inter-municipal level. The prospects for further research include a quantitative assessment of the inter-municipal projects efficiency and a comparative analysis of other Russian agglomerations' practices.

Keywords: agglomeration, management, region, economic space, inter-municipal interaction, hybrid management model, Yekaterinburg agglomeration

Conflict of Interest. The authors declare that there is no Conflict of Interest.

For citation: Nozhenko D. Y., Shishkina E. A. Tools for inter-level and inter-municipal interaction in the management of agglomeration development: The case of Yekaterinburg. *MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2026; 17(3):539–554. (In Russ.)

EDN: <https://elibrary.ru/wvqlwu>. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2026.17.3.539-554>

© Nozhenko D. Y., Shishkina E. A., 2026

Введение

Современная структура управления развитием территорий и урбанистических процессов характеризуется рядом фундаментальных трансформаций. Интенсивное развитие городских агломераций сопровождается ростом населения, концентрацией экономической активности и усилением функциональной взаимосвязанности населенных пунктов. Указанные тенденции приводят к формированию сложных полицентричных территориальных систем, выходящих за административ-

ные границы муниципальных образований (далее – МО). Данный процесс порождает системные вызовы для обеспечения устойчивого развития, транспортной доступности, социальной инфраструктуры, которые не могут быть эффективно решены в рамках муниципального управления. Отсутствие устойчивых механизмов межуровневого взаимодействия и правовых основ для межмуниципальной кооперации и координации затрудняет реализацию комплексных решений развития агломераций. Таким образом, исследование инструментов межуровневого и межмуниципального

взаимодействия в контексте управления развитием городской агломерации приобретает высокую научную и практическую значимость.

Особое значение имеет поиск ответов на вопросы о том, какие инструменты межмуниципального взаимодействия наиболее значимы для преодоления функциональной неоднородности муниципалитетов и какова оптимальная модель управления агломерацией. Исходя из этого, цель настоящей статьи – определение конфигурации вертикальных (межуровневых) и горизонтальных (межмуниципальных) механизмов взаимодействия в управлении агломерационным развитием, учитывающей стадии управленческого цикла и обеспечивающей сбалансированное развитие ядра и периферии.

Обзор литературы и исследований

Изучению методов и инструментов межуровневого и межмуниципального взаимодействия в управлении развитием городской агломерации посвящен ряд трудов отечественных и зарубежных ученых. Вопросы поиска инструментов и моделей управления развитием крупнейшими городами рассмотрены в работах Е.В. Балацкого [1], Е.А. Белоусовой [2], В.Г. Мохова и В.Г. Плужникова [3], С.А. Васильева [4], N. Alcaide Manthey [5], H. Dalheim [6]. Указанные исследования концентрируются на поиске механизмов управления территориями в контексте демографического сжатия, достижения экономического благополучия в условиях пост-роста, преодоления монозависимости городов. В работе М. Du [7] подчеркивается, что отсутствие адекватного плана муниципального сотрудничества может привести к неэффективности, дублированию обязанностей и спорам, которые препятствуют региональной интеграции и экономическому росту. Автором предлагается формирование алгоритма совместной городской застройки на основе нечеткой кластеризации (CUD-FCA) для определения основных функций каждого города, что позволит устранить дублирование и конфликты. Вопросы ресурсного обеспечения развития агломераций нашли отражение в работе А.Н. Куликовой [8], где подчеркивается необходимость регулирования в части сглаживания неравномерного распределения условий труда и возможностей на основе совместной работы органов местного самоуправления и создания единого бюджета агломерации для финансирования проектных решений. Необходимость координации субъектов на разных уровнях управления и разработки адресных целевых стратегий городов показана Y. Wu, Y. Zhang, B. Zhang [9]. Так, городам с высоким уровнем развития авторы предлагают решать проблемы чрезмерной застройки и социального управления, городам с

низким уровнем развития – сосредоточиться на экономической неэффективности и сохранении окружающей среды.

Вопросы факторов развития муниципальных образований, значимые для анализа агломерационных процессов, поднимаются в трудах Л.А. Безрукова и З.В. Абрамовой [10], А.В. Ярашевой и С.В. Макара [11], Z. Enlil, I. Dinçer [12]. Механизмы управления агломерацией и конвергенцией пространственных, промышленных, экономических и инновационных компонентов городского развития для обеспечения устойчивости рассматриваются X. Deng и M. Song [13]. M. Zhou, W. Shao, L. Huang [14] в своей работе делают вывод: несмотря на то что агломерация цифровой экономики может значительно укрепить устойчивость городов, ее влияние носит двойственный характер – способствуя экономической и социальной устойчивости, она одновременно негативно сказывается на ресурсной и экологической составляющих.

В контексте поиска инструментов взаимодействия между уровнями власти и муниципалитетами в управлении агломерациями важно опираться на исследования экономического и социального благополучия городов (D.B. Enarsson с соавторами [15], E. Hofferberth [16], Е.Б. Дворядкина и соавторы [17]). Особого внимания заслуживает работа О.И. Вендиной и ее коллег [18], где обосновывается необходимость формирования инструментов, преодолевающих функциональную асимметрию развития агломераций посредством создания устойчивых механизмов коллаборации, обеспечивающих сбалансированность экономических, пространственных и политических решений в рамках единой агломерационной системы. Учеными [19, 20] отмечается, что для достижения стратегических целей эффективного и безопасного развития территорий требуется качественная интеграция всех организационных, технических и социально-экономических компонентов управления. Результаты исследований В.Л. Квинта и И.В. Середюка [21] подтверждают указанное: управление агломерациями должно быть комплексным, стратегическим и адаптивным, синхронизирующим разнонаправленные тренды и использующим открывающиеся возможности (цифровые, экологические, новые урбанистические формы) для нейтрализации рисков. Методический инструментарий для оценки результативности таких управленческих решений представлен в исследовании С.С. Лачининского, И.А. Логвинова и И.С. Сорокина [22].

В исследовании С. Otter [23] обосновано, что управление агломерацией должно исходить из понимания агломерации как непрерывного, исторически глубокого и технологически опосредованного процесса, где эффективная стратегия развития требует учета

многообразия форм агломераций. При этом Е.Д. Копытова и Н.В. Ворошилов [24] утверждают, что управление городской агломерацией должно быть переориентировано с формального объединения территорий и реализации преимущественно инфраструктурных проектов на целенаправленное развитие экономической специализации, основанное на комплементарности (взаимодополняемости) между ядром и спутниковой зоной. Показано, что для эффективного управления необходим мониторинг специализации не только по укрупненной статистике, но и на микроуровне (по отдельным предприятиям), что позволяет выявлять реальные «точки кооперации» и обосновывать межмуниципальные производственные проекты. Эффективное управление развитием агломерации в условиях множества конкурирующих целей, как подчеркивают В.В. Окрепилов и И.В. Коршунов [25], возможно только при переходе от фрагментарного, «мягкого» регулирования к институционально оформленной, методологически обоснованной системе, основанной на инструментах экономики качества, согласованных инвестиционных политиках и интеграции федеральных, региональных и муниципальных уровней управления.

Опираясь на результаты указанных исследований, можно сделать вывод, что эффективность управления агломерациями напрямую зависит от качества взаимодействия между органами власти разных уровней и муниципалитетами. Такая координация открывает возможность формировать совместные бюджеты, выстраивать прозрачные финансовые потоки и согласовывать решения различного масштаба в рамках единой системы. Подобный подход не только упорядочивает управленческие процессы, но и существенно снижает сопутствующие риски. Следовательно, ключевая задача управления агломерацией – не просто стимулирование концентрации экономических субъектов, а введение механизмов регулирования (квоты, плата за доступ, зонирование, координация), предотвращающих риски и трансформирующих агломерационные эффекты в устойчивые конкурентные преимущества [26]. Поэтому управление агломерацией не может опираться на универсальные модели или единые рычаги политики, поскольку эффекты концентрации и рассредоточения экономической активности носят отраслевой, региональный и асимметричный характер [27]. Для эффективного управления городской агломерацией, как отмечает С.А. Соболев [28], требуется внедрение системного, непрерывного и многосубъектного процесса стратегического планирования, основанного на единой методологической модели и принципах координации всех стейкхолдеров.

Таким образом, формирование устойчивых механизмов взаимодействия между муниципалитетами выступает необходимым условием для достижения

сбалансированного и инклюзивного развития городских агломераций. Несмотря на теоретическую разработанность таких инструментов, их внедрение в практику управления носит ограниченный характер.

Материалы и методы

В работе применяется система методов, основанная на принципах междисциплинарности и сочетания теоретического и эмпирического анализа: системный, сравнительно-сопоставительный, институциональный анализ, анализ нормативно-правовой базы и программных документов, статистический анализ данных, кейс-стади для изучения опыта развития городской агломерации. Предложенная комбинация методов позволяет осуществить многоаспектное исследование: от теоретического осмысления институциональных основ до практической оценки эффективности конкретных инструментов и выработки научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию системы управления развитием городской агломерации.

Объектом исследования выступает Екатеринбургская городская агломерация (далее – ЕГА). Выбор ЕГА обусловлен длительной историей межмуниципального взаимодействия, разнородностью входящих муниципальных образований, наличием как формальных, так и неформальных механизмов координации, а также репрезентативностью проблем, характерных для большинства российских агломераций.

Источниками данных выступили нормативно-правовые акты, планово-прогнозные документы (стратегии, схемы территориального планирования, муниципальные программы), официальная статистика (данные Росстата), отчетные документы органов местного самоуправления и Правительства Свердловской области, аналитические обзоры.

Алгоритм исследования включает:

- 1) анализ социально-экономической дифференциации муниципалитетов, входящих в ЕГА, на основе показателей динамики численности населения и функционального профиля территорий;
- 2) анализ этапов эволюции системы управления ЕГА с выделением доминирующих инструментов;
- 3) систематизацию стратегических приоритетов развития ЕГА и механизмов их реализации;
- 4) классификацию существующих инструментов межуровневого и межмуниципального взаимодействия;
- 5) оценку инструментального обеспечения стратегических приоритетов развития агломерации и идентификацию системных ограничений сложившейся модели управления.

Результаты исследования

Екатеринбургская городская агломерация представляет собой сложную территориально-экономическую систему – ядро социально-экономического развития Свердловской области, основу благополучия всего региона¹. Однако управление ее развитием долгое время оставалось фрагментированным: вертикальные механизмы (областное и федеральное финансирование) доминировали над горизонтальными (межмуниципальное сотрудничество).

ЕГА является одной из крупнейших в стране (4-е место по численности населения, 2025 г.), включает 14 муниципалитетов², 2,2 млн чел. (52% населения Свердловской области, 2025 г.), ядро агломерации – г. Екатеринбург. В состав Екатеринбургской агломерации входят территории разного функционального назначения, включая 4 моногорода (ГО Верхняя Пышма, ГО Первоуральск, Полевской ГО, ГО Ревда) и закрытое административно-территориальное образование (ГО ЗАТО Уральский). 4 муниципальных образования (г. Екатеринбург, ГО Первоуральск, ГО Заречный, ГО ЗАТО Уральский) отнесены к опорным населенным пунктам³.

Степень неоднородности и включенности территорий в агломерационные процессы является ключевым параметром, детерминирующим архитектуру управленческих моделей, поскольку она напрямую коррелирует с интенсивностью функциональных, миграционных и логистических взаимосвязей между ядром и периферией. Для диагностики структурной неоднородности агломерации авторами разработана классификация территорий по характеру включенности в агломерационные процессы. Ключевыми параметрами, отражающими интенсивность функциональных, миграционных и логистических связей с ядром, выступили: маятниковая миграция трудоспособного населения (доля занятых, въезжающих в ядро, D_m)⁴; пространственная доступность (время в пути до ядра на автомобиле (T_a), при использовании общественного пассажирского транспорта (T_o), движение обще-

ственного пассажирского транспорта (число рейсов в час, I). На основе предложенных пороговых значений выделены три типа территорий:

- полная включенность ($D_m \geq 25\%$; $T_a < 40$ мин; $T_o < 60$ мин; $I \geq 2$);
- частичная включенность ($D_m = 10\text{--}25\%$; $T_a < 40$ мин; $T_o < 75$ мин; $I \geq 1$);
- неоднородная включенность (фиксируются внутренние контрасты по указанным показателям).

Результаты классификации представлены в табл. 1.

Такая структурная неоднородность во многом обуславливает специфику социально-экономической динамики как агломерации, так и входящих в нее муниципальных образований. За период 2015–2024 гг. Екатеринбургская агломерация в целом продемонстрировала положительный прирост населения (+3,26%), однако динамика была неравномерной. В 2021–2022 гг. наблюдалась убыль населения, тогда как в 2023 г. зафиксирован прирост, связанный с миграционными процессами внутри агломерации. При этом ядро агломерации показывает наиболее высокий рост численности населения по сравнению с остальными территориями. Агломерация без ядра демонстрирует устойчивую убыль за счет миграционного оттока в ядро и естественного движения населения (табл. 2).

Важно отметить, что численность населения Свердловской области в целом сокращается, соответственно, положительная динамика ЕГА не компенсирует убыль населения в остальной части региона. Периферийные территории (находящиеся за пределами агломерации) теряют население, что создает существенные риски для их социально-экономического развития. Таким образом, проведенная диагностика позволила выявить следующие вызовы для системы управления: во-первых, нарастающий демографический разрыв между ядром и периферией; во-вторых, разнонаправленность динамики численности населения, требующая гибких, а не унифицированных инструментов; в-третьих, гетерогенность включенности МО в

¹ Стратегия социально-экономического развития Свердловской области до 2035 года (проект) // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/17219fb7af23b71cc12a946444c3d817/proekt_strategii.pdf (дата обращения: 18.04.2026)

² Принципы формирования Екатеринбургской агломерации // АО ГИПРОГОР. 2016. URL: https://old-minstroy.midural.ru/uploads/3%20этап_Приложение%202_%20Принципы%20формирования%20ЕА.pdf (дата обращения: 18.04.2026)

³ Перечень опорных населенных пунктов, расположенных на территории Свердловской области, по категориям // Министерство экономики, инвестиций и территориального развития Свердловской области. URL: <https://economy.midural.ru/upload/uf/51b/ekwi3d13fdj6joocdgj4yvaz5wi8el7s/PERECHEN-ONP-Sverdlovskoy-oblasti.pdf> (дата обращения: 22.05.2026)

⁴ Прим. Авторы: рассчитано по материалам: Долгосрочный план социально-экономического развития Екатеринбургской агломерации до 2030 года: утвержден 27.12.2023 г. Протоколом заочного голосования президиума (штаба) Правительственной комиссии по региональному развитию в РФ // Министерство экономики, инвестиций и территориального развития Свердловской области. URL: <https://economy.midural.ru/documents/active/16703/>; Расписание электричек, поездов, автобусов и самолетов // Яндекс Расписания. URL: <https://rasp.yandex.ru/bus/yekaterinburg-zarechny>; Расстояния от Екатеринбурга до других городов Свердловской области // Time-In.ru. URL: <https://time-in.ru/distance/yekaterinburg> (дата обращения: 22.05.2026)

Таблица 1

Классификация территорий в составе Екатеринбургской агломерации

Table 1

Classification of territories within the Yekaterinburg agglomeration

Тип территории	Состав муниципальных образований	Характер включенности в агломерационные процессы
Старопромышленные города с преобладанием обрабатывающих производств	Первоуральск, Верхняя Пышма, Полевской, Ревда	частичная
Энергетические центры (отличаются компактностью и однородностью)	Заречный	частичная
	Среднеуральск	полная
Старопромышленный город (небольшая площадь и географическая близость к ядру способствуют глубокой интеграции в социально-экономические процессы агломерации)	Арамиль	полная
Центры добычи полезных ископаемых (Березовский имеет диверсифицированную экономику; Дегтярск из-за низкой транспортной доступности не участвует в активных агломерационных процессах)	Березовский	частичная
	Дегтярск	неоднородная
Сельскохозяйственные центры и центры рекреации (выступают центрами сезонной миграции и рекреации для жителей ядра; территориально отдалены от ядра, однако зоны, приближенные к Екатеринбург, более активно охвачены агломерационными процессами)	Сысерть, Белоярский	частичная
Территории, имеющие молодые обрабатывающие производства	ЗАТО Уральский, Верхнее Дуброво	частичная
Многофункциональный центр оказания услуг с диверсифицированной экономикой	Екатеринбург	полная

Разработано авторами

Developed by the authors

Таблица 2

Динамика численности населения Екатеринбургской городской агломерации, %

Table 2

Population dynamics of the Yekaterinburg urban agglomeration, %

Территориальный уровень	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2024 г. к 2015 г.
Екатеринбургская агломерация	0,7	0,4	0,4	0,4	0,3	-0,1	-0,2	1,4	-0,1	3,3
Весь регион	0,1	0,0	-0,1	-0,2	-0,1	-0,5	-0,6	-0,5	-0,4	-2,3
Ядро	1,1	0,7	0,9	0,9	0,7	0,1	-0,1	3,8	-0,2	8,1
Агломерация без ядра	0,0	0,0	-0,2	-0,5	-0,4	-0,4	-0,3	-2,4	0,0	-4,2
Регион без агломерации	-0,7	-0,6	-0,8	-1,1	-0,7	-1,0	-1,2	-3,3	-0,8	-10,0

Примечание: рассчитано по показателю «темп прироста к предыдущему году».

Составлено авторами по материалам: База данных показателей муниципальных образований // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения: 18.04.2026)Compiled by the authors based on: Database of Municipal Indicators. Rosstat. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (accessed: 18.04.2026) (In Russ)

агломерационные процессы. Указанные тенденции оказали влияние на эволюцию системы управления агломерацией.

В настоящее время система управления развитием ЕГА включает комплекс документов стратегического и территориального планирования и

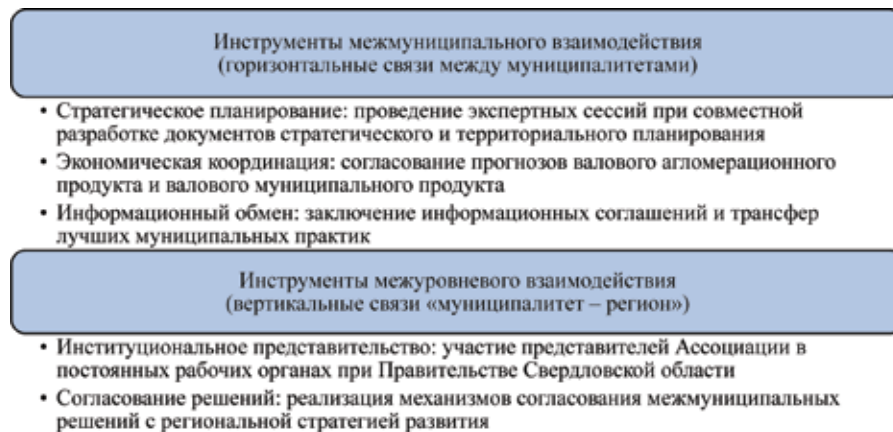
регулирования, ключевым принципом реализации которых является экономическая заинтересованность муниципалитетов в осуществлении совместных проектов. Данная система является результатом эволюции различных подходов к управлению развитием агломерации и механизмов межмуниципального сотрудничества.

Начиная с 2020 г. в развитии управления Екатеринбургской агломерацией можно выделить несколько значимых этапов.

Первый этап относится к 2020 г., когда одним из первых в стране было подписано «Соглашение о взаимодействии органов местного самоуправления в рамках развития агломерации» (далее – Соглашение)⁵. Участниками Соглашения стали 14 муниципальных образований, входящих в состав ЕГА. Механизмы их взаимодействия на данном этапе включали преимущественно совещательные и координационные инструменты, реализуемые в рамках существующих полномочий местного самоуправления. Ключевым результатом этого этапа стало формирование и утверждение главами 14-ти МО Перечня межмуниципальных (агломерационных) проектов развития⁶, а также разработка дорожных карт межмуниципальных проектов, влияющих на развитие территорий двух и более муниципальных образований, входящих в агломерацию.

Второй этап развития управления ЕГА характеризуется переходом от координационных механизмов к институционально закреплённым инструментам взаимодействия. В этот период создана Ассоциация муниципальных образований «Екатеринбургская городская агломерация» (далее – Ассоциация) в форме некоммерческой корпоративной организации. Данный инструмент позволил закрепить взаимодействие органов местного самоуправления на институциональном уровне, что представляет собой качественный шаг по сравнению с предшествующим Соглашением, носившим преимущественно координационный характер. В рамках реализации функций межуровневого взаимодействия Ассоциация выполняет следующие ключевые задачи: координирует и обобщает предложения муниципальных образований по развитию важнейших объектов инфраструктуры, обеспечивая их передачу для включения в документы стратегического планирования региона. Кроме того, Ассоциация выступает инструментом привлечения внебюджетных средств на реализацию проектных и сопутствующих работ (рис. 1).

Третий этап развития инструментов межуровневого и межмуниципального взаимодействия в управлении Екатеринбургской агломерацией связан с разработкой и принятием документов стратегического и территориального планирования, интегрирующих интересы участников агломерации. В 2022 г. Администрацией города Екатеринбурга совместно с муниципальными образованиями, вхо-

Разработано авторами

Рис. 1. Инструменты межмуниципального и межуровневого взаимодействия, реализуемые в деятельности Ассоциации муниципальных образований «Екатеринбургская городская агломерация»

Developed by the authors

Fig. 1. Tools of inter-municipal and inter-level cooperation implemented by the Association of municipalities «Yekaterinburg urban agglomeration»

⁵ Соглашение о взаимодействии органов местного самоуправления в рамках развития Екатеринбургской городской агломерации (11.11.2020) // Правительство Свердловской области. URL: <https://midural.ru/news/list/page1/document173723/> (дата обращения: 18.04.2026)

⁶ Разработка и реализация стратегических и программных документов развития городских агломераций, соглашений о межмуниципальном сотрудничестве в 2019-2021 гг. Аналитический отчет // Фонд «Институт экономики города». Москва, 2021. 18 с. URL: https://urbaneconomics.ru/sites/default/files/dokumenty_po_razvitiyu_aglomeracii.pdf (дата обращения: 18.05.2026)

данными в состав агломерации, была разработана Концепция территориального развития городского округа – муниципального образования «город Екатеринбург» в Екатеринбургской агломерации (далее – КТР)⁷. Важно отметить, что в структуру КТР были интегрированы согласованные схемы, разработанные в границах всей агломерации, что свидетельствует о применении механизмов межмуниципальной координации при подготовке документа. В перечень таких схем включены: функциональное зонирование территории, планируемое размещение жилой застройки и рабочих мест, развитие транспортной, инженерной, туристско-рекреационной инфраструктуры, схема природного каркаса.

Следующим значимым этапом в развитии системы управления агломерацией стало принятие Долгосрочного плана социально-экономического развития Агломерации до 2030 года (далее – ДГП)⁸. Материалы КТР и ДГП являются практической базой для совершенствования инструментов межуровневого и межмуниципального взаимодействия, поскольку используются в процессе подготовки документов территориального и стратегического планирования как на уровне региона, так и на уровне отдельных муниципалитетов.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о поэтапной смене моделей управления городской агломерацией применительно к используемым инструментам межуровневого и межмуниципального взаимодействия. В частности, наблюдается переход от доминирования вертикальной модели управления (централизованное регулирование, проявившееся при разработке стратегии развития агломерации и градостроительной документации) к горизонтальной⁹, основанной на межмуниципальном сотрудничестве. Можно заключить, что сложившаяся в настоящее время модель управления является гибридной, сочетающей в себе дифференцированные инструменты межуровневого и межмуниципального взаимодействия. Такой подход соответствует последовательному усилению включенности территорий в агломерационные процессы. Согласованность интересов участников данных процессов формируется через систему стратегических приоритетов, закрепленных в документах планирова-

ния, что позволяет придать межмуниципальному сотрудничеству долгосрочную содержательную основу.

Развитие Екатеринбургской агломерации обеспечивается взаимодополняющими документами стратегического планирования. Их объединяет принцип сбалансированного пространственного развития, предполагающий преодоление разрыва между экономическим и демографическим потенциалом ядра агломерации и муниципалитетов-спутников (табл. 3).

Проведенный анализ позволяет охарактеризовать стратегические приоритеты развития Екатеринбургской агломерации как инфраструктурно-инвестиционные по доминирующим направлениям и пространственно-выравнивающие по целевой направленности. Документы демонстрируют высокую степень согласованности на уровне целевых ориентиров и взаимодополняемости на уровне проектных механизмов. Долгосрочный план развития агломерации (ДГП) выступает инструментом тактической реализации отдельных положений стратегии развития Свердловской области (Стратегия-2035), конкретизируя перечень инфраструктурных и инвестиционных проектов с измеримыми показателями эффективности.

Помимо ЕГА, в Стратегии-2035 выделяется еще 5 территорий Свердловской области, обладающих существенным потенциалом для развития и формирования агломераций: Нижнетагильская агломерация; Северная агломерация; Каменск-Уральский городской округ; Новоуральский и Кировградский городские округа; МО Сухой Лог. Основой для агломерирования является собственный экономический потенциал территорий, эффект близости и производственной кооперации с ЕГА. В этих условиях ключевой задачей становится координация направлений развития отдельных муниципалитетов, внутрирегиональных агломераций в регионе. Особое значение приобретают методы и инструменты, которые усиливают связанность, интегрированность и доступность территорий в составе агломерации. Как показывает практика, такие проекты преимущественно связаны с управлением ресурсами и развитием инфраструктуры агломераций [29, 30]. Например, ДГП агломера-

⁷ Концепция территориального развития городского округа – муниципального образования «город Екатеринбург» в Екатеринбургской агломерации // Официальный портал Екатеринбурга. URL: <https://ekaterinburg.pf/file/547122bcdcedeadadc2f47ee9c20b65> (дата обращения: 18.04.2026)

⁸ Долгосрочный план социально-экономического развития Екатеринбургской агломерации до 2030 года: утвержден 27 декабря 2023 года Протоколом заочного голосования президиума (штаба) Правительственной комиссии по региональному развитию в Российской Федерации // Министерство экономики, инвестиций и территориального развития Свердловской области. URL: <https://economy.midural.ru/documents/active/16703/> (дата обращения: 18.04.2026)

⁹ Екатеринбургская агломерация // Agglomeration-law.ru. 15.04.2024. URL: <https://agglomeration-law.ru/ekaterinburg> (дата обращения: 18.04.2026)

Таблица 3

Стратегические приоритеты развития Екатеринбургской городской агломерации

Table 3

Strategic priorities for the development of the Yekaterinburg urban agglomeration

Направление	Стратегический приоритет	Источник
Экономический рост	Обеспечение темпов роста агломерации не ниже средне-российских (инвестиции, занятость, оплата труда)	ДПР
Рынок труда	Снижение теневой занятости, вовлечение в легальный рынок	ДПР
Транспортная связность	Устранение радиальной структуры, связь периферии	ДПР
Жилищная политика и городская среда	Повышение качества городской среды, снижение разрывов между ядром и спутниками, благоустройство, комплексное развитие территорий (КРТ)	Стратегия-2035
Инфраструктура	Снятие инфраструктурных ограничений, снижение износа коммунальных сетей	ДПР, Стратегия-2035
Индустриальные и логистические проекты	Создание точек роста, диверсификация экономики моногородов, развитие индустриальных парков и технопарков, развитие малого бизнеса	ДПР
Креативные индустрии	Развитие высокотехнологичных услуг, привлечение талантов, креативной экономики, консалтинг, стартапы	Стратегия-2035
Цифровая экономика	Цифровая трансформация, «умный город», цифровые двойники	Стратегия-2035, ДПР
Туризм и рекреация	Развитие туристско-рекреационного потенциала, событийный, деловой и экотуризм	ДПР, Стратегия-2035
Пространственное развитие	Снижение дифференциации между ядром и спутниками, диверсификация моногородов, межмуниципальные проекты	Стратегия-2035, ДПР
Человеческий капитал	Повышение качества жизни, развитие образования, здравоохранения, спорта, культуры	Стратегия-2035
Управление агломерацией	Координация на договорной основе, реализация межмуниципальных проектов	ДПР

Примечание: «Стратегия-2035» – Стратегия социально-экономического развития Свердловской области до 2035 года (проект).

Составлено авторами по материалам: Стратегия социально-экономического развития Свердловской области до 2035 года (проект) // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/17219fb7af23b71cc12a946444c3d817/proekt_strategii.pdf; Долгосрочный план социально-экономического развития Екатеринбургской агломерации до 2030 года: утвержден 27 декабря 2023 года Протоколом заочного голосования президиума (штаба) Правительственной комиссии по региональному развитию в Российской Федерации // Министерство экономики инвестиций и территориального развития Свердловской области. URL: <https://economy.midural.ru/documents/active/16703/> (дата обращения: 18.06.2026)

Compiled by the authors based on: The Strategy of socio-economic development of the Sverdlovsk region until 2035 (draft). Ministry of Economic Development of the Russian Federation. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/17219fb7af23b71cc12a946444c3d817/proekt_strategii.pdf; The long-term plan for the socio-economic development of the Yekaterinburg agglomeration until 2030: approved on December 27, 2023 by the Protocol of absentee voting of the Presidium (headquarters) of the Government Commission for Regional Development in the Russian Federation. Ministry of Economy, Investment, and Territorial Development of the Sverdlovsk Region. URL: <https://economy.midural.ru/documents/active/16703/> (accessed: 18.06.2026) (In Russ)

ции включает 18 проектов, совокупный вклад которых в сокращение отставания по объему инвестиций в основной капитал оценивается в 62%, а по численности занятых – в более чем 100% относительно среднероссийских темпов роста. На основе анализа проектов авторами разработана их классификация, определяющая функциональные роли в развитии агломерации (табл. 4):

- пространственно-связующая (ПС): обеспечение физической связанности территорий агломерации, сокращение транспортных разрывов, создание условий для маятниковой миграции и доступа к рынкам труда и услуг;
- индустриально-размещенческая (ИР): создание площадок для нового промышленного производства, привлечения резидентов, трансфера

технологий, диверсификации экономики и генерации рабочих мест;

- инфраструктурно-обеспечивающая (ИО): обеспечение базовых систем жизнеобеспечения (водоснабжение, энергия, утилизация отходов), снятие инфраструктурных ограничений развития территорий;
- социально-аттрактивная (СА): формирование точек притяжения для населения и туристов, развитие сферы услуг и досуга, повышение качества среды и инвестиционной привлекательности территорий.

Проведенная с позиций системной сбалансированности, проектно-финансовой обеспеченности и пространственно-функционального распределения оценка проектов (см. табл. 4),

Таблица 4

Классификация межмуниципальных проектов развития Екатеринбургской агломерации

Table 4

Classification of inter-municipal development projects of the Yekaterinburg agglomeration

Тип	Проект	Функциональная роль	Связанность с другими проектами
Транспортно-логистический	Распределительный центр и логотерминал «Сима-Ленд» («Сухой порт»)	ПС	-
	ТЛЦ «Уральский»	ПС	+
Рекреационно-туристический	Термальный комплекс «Баден-Баден Термы Сысерть»	СА	+
Коммунальный / Обращение с отходами	Реконструкция завода твердых бытовых отходов (ТБО)	ИО	+
Транспортный	Снятие инфраструктурных ограничений на Северном полукольце ЕКАД	ПС	+
	Подъезд к ТЛЦ «Большое Седельниково»	ПС	+
	Автомобильная дорога Полевской – Сысерть	ПС	+
	Автомобильная дорога Ревда – Первоуральск	ПС	+
	Автомобильная дорога Дегтярск – Екатеринбург	ПС	-
Промышленный / Инвестиционный	Индустриальный парк «Новосвердловский»	ИР	-
	Индустриальный парк «Березовский»	ИР	-
	Индустриальный парк «УРАЛМАШ»	ИР	-
Промышленный / Агропромышленный	Агробiotехнопарк «Уральский»	ИР	-
Инженерный (водоснабжение)	Система водопитания (I этап)	ИО	-
Промышленный / Инновационный	Промышленный технопарк «Авиатор»	ИР	-
	Технопарк «Иннопромурал»	ИР	-

Примечание: «+» – связь присутствует, проекты взаимозависимы; «-» – связь проектов отсутствует.

Составлено авторами по материалам: Долгосрочный план социально-экономического развития Екатеринбургской агломерации до 2030 года: утвержден 27 декабря 2023 г. Протоколом заочного голосования президиума (штаба) Правительственной комиссии по региональному развитию в Российской Федерации // Министерство экономики инвестиций и территориально-го развития Свердловской области. URL: <https://economy.midural.ru/documents/active/16703/> (дата обращения: 18.06.2026)

Compiled by the authors based on: Long-term plan for the socio-economic development of the Yekaterinburg agglomeration until 2030: approved on December 27, 2023 by the Protocol of absentee voting of the Presidium (headquarters) of the Government Commission for Regional Development in the Russian Federation. Ministry of Economy, Investment, and Territorial Development of the Sverdlovsk Region. URL: <https://economy.midural.ru/documents/active/16703/> (accessed: 18.06.2026) (In Russ)

выступающих в рамках агломерации одними из основных инструментов реализации стратегических приоритетов, выявила наличие противоречий и зон риска. Во-первых, инфраструктурные проекты (пространственно-связующие) образуют взаимосвязанную систему, что требует синхронизации сроков реализации и ресурсного обеспечения взаимозависимых проектов для предотвращения системных рисков. Во-вторых, значительная часть проектов реализуется с привлечением частных инвестиций и институтов развития, что свидетельствует о переходе от административной модели управления к механизмам государственно-частного партнерства и концессионным соглашениям. В-третьих, анализ распределения проектов по функциональным типам выявил диспропорцию: пространственно-

связующие проекты составляют более 60% от общего числа, тогда как инфраструктурно-обеспечивающие проекты представлены лишь двумя инициативами, что не соответствует масштабу накопленных проблем. В-четвертых, установлено, что для ряда стратегически значимых проблем, идентифицированных в аналитической части документов (высокий уровень теневой занятости, отток кадров, отсутствие агломерационной идентичности), проектные механизмы в ДПР не предусмотрены. В-пятых, пространственное распределение проектов неоднородно, отмечается их концентрация в западных и восточных территориях.

Таким образом, проведенный анализ и оценка инструментального обеспечения стратегических

приоритетов развития агломерации показывает формальную проработанность документов, их целевую согласованность, взаимодополняемость на уровне проектных механизмов. Вместе с тем, присутствуют системные ограничения долгосрочного развития и реализации стратегических приоритетов. Они обусловлены неопределенностью финансового обеспечения проектов и механизмов их синхронизации, что создает риски трактовки дан-

ных инициатив исключительно как концептуальных намерений.

Полученные результаты анализа эволюции и современного состояния инструментов системы управления ЕГА свидетельствуют о том, что в агломерации фактически сложилась гибридная модель управления, сочетающая вертикальные и горизонтальные инструменты взаимодействия (рис. 2).

Примечание: прямая линия контура фигуры – инструменты реализованы; штрихпунктирная линия – инструменты частично реализованы.

Разработано авторами

Рис. 2. Инструменты межуровневого и межмуниципального взаимодействия в управлении развитием агломерации

Developed by the authors

Fig. 2. Tools for inter-level and inter-municipal interaction in the management of agglomeration development

Таким образом, в рассмотренной модели управления развитием ЕГА на этапах инициации, экспертизы и согласования решений доминируют горизонтальные механизмы, реализующие координационный потенциал межмуниципального сотрудничества, а на этапах ресурсного обеспечения, нормативного

утверждения и институционального закрепления решающую роль сохраняют вертикальные механизмы. Преимуществом такой системы управления является гибкость и добровольность участия; ограничением – отсутствие закрепленного финансового обеспечения межмуниципальных проектов, неопределен-

ность правового статуса межмуниципальных объектов, функциональная асимметрия инструментария и отсутствие системы мониторинга, не позволяющее оперативно корректировать траектории развития муниципалитетов. Поэтому сохраняется потребность в развитии межмуниципальной кооперации и совершенствовании интеграционных механизмов внутри агломерации.

Проведенный анализ позволяет дать ответы на исследовательские вопросы, сформулированные во введении. Наиболее значимыми инструментами межмуниципального взаимодействия, обеспечивающими преодоление функциональной неоднородности, выступают институционально закреплённые формы сотрудничества, проектно-ориентированные механизмы и договорные инструменты. Оптимальной моделью управления в условиях российской институциональной среды является гибридная модель, сочетающая вертикальные и горизонтальные механизмы, однако сбалансированное развитие достигается лишь при условии институционального оформления агломерации как субъекта управления с закреплённым бюджетом и полномочиями.

Выводы

Проведённое исследование позволяет сформулировать ряд выводов, имеющих как научное, так и прикладное значение.

1. Анализ социально-экономической дифференциации муниципалитетов Екатеринбургской агломерации выявил выраженную гетерогенность территорий по степени включённости в агломерационные процессы, которая усугубляется нарастающим демографическим разрывом между ядром и периферией. Определено, что неоднородность муниципалитетов требует внедрения дифференцированных инструментов регулирования, учитывающих особенности их агломерационного развития.
2. Исследование этапов развития системы управления Екатеринбургской агломерацией выявило последовательный переход от координационных механизмов к институционально закреплённым формам межуровневого и межмуниципального взаимодействия. Такая эволюция отражает постепенное усиление формализации межмуниципальных связей, однако не приводит к созданию полноценного субъекта управления с закреплёнными полномочиями.
3. Стратегические приоритеты развития агломерации, закреплённые в документах планирования, показывают высокую согласованность целевых ориентиров и взаимодополняемость на уровне проектных механизмов. Однако их инструментальное обеспечение отличается функциональной асимметрией, а для ряда стратегически значимых задач не определены способы решения. Это свидетельствует о том, что текущий инструментарий ограниченно применим к решению системных задач пространственного развития.
4. Разработанная функциональная типология межмуниципальных проектов выявила структурную диспропорцию: доминирование пространственно-связующих проектов при дефиците инфраструктурно-обеспечивающих и социально-аттрактивных. Это свидетельствует о необходимости смещения приоритетов проектного управления к созданию точек экономического и социального притяжения на периферии для снижения оттока населения.
5. Проведённый анализ позволил идентифицировать и концептуализировать оптимальную (для текущих условий) конфигурацию гибридной модели управления в Екатеринбургской агломерации. Модель предполагает функциональное распределение инструментов по этапам управленческого цикла: на этапе инициации и экспертизы доминируют горизонтальные механизмы (экспертные сессии, совместные дорожные карты, деятельность Ассоциации), что обеспечивает учет интересов всех муниципалитетов; на этапе ресурсного обеспечения и реализации ведущее значение имеют вертикальные каналы (региональное и федеральное финансирование, государственно-частное партнёрство). Данная конфигурация обеспечивает сбалансированное развитие лишь частично: она эффективна для «точечных» инвестиционных проектов, но не решает системных проблем периферии.
6. Установлены системные ограничения гибридной модели управления агломерацией: отсутствие закреплённого финансового обеспечения межмуниципальных проектов, юридическая необязательность горизонтальных договорённостей, отсутствие механизмов синхронизации взаимозависимых проектов и мониторинга их реализации, неразработанность инструментов формирования агломерационной идентичности.
7. Определено, что достижение целевых ориентиров развития агломерации требует ее институционального оформления как субъекта управления с определением функций, источников финансирования и процедурами принятия решений на межмуниципальном уровне. Поэтому перспективы дальнейших исследований связаны с количественной оценкой результативности межмуниципальных проектов, разработкой механизмов формирования агломерационной идентичности, сравнительным анализом практик других российских агломераций.

В то же время, опыт развития Екатеринбургской агломерации, несмотря на его незавершенность, может быть адаптирован для управления другими

территориями, позволяя им учесть как преимущества гибридной модели, так и пути нивелирования ее системных ограничений.

Список источников

1. Балацкий Е.В. Многоуровневая система управления российской экономикой в условиях санкций // *Journal of New Economy*. 2024. Т. 25. № 2. С. 6–26. EDN: <https://elibrary.ru/lohiky>. <https://doi.org/10.29141/2658-5081-2024-25-2-1>
2. Белоусова Е.А. Стратегии социально-экономического развития муниципальных образований: концептуализация фактора построста // *Управленец*. 2026. Т. 17. № 1. С. 84–97. EDN: <https://elibrary.ru/vocodi>. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2026-17-1-6>
3. Мохов В.Г., Плужников В.Г. Модель экономического развития промышленного мегаполиса // *Journal of New Economy*. 2024. Т. 25. № 1. С. 28–31. EDN: <https://elibrary.ru/rpjqrq>. <https://doi.org/10.29141/2658-5081-2024-25-1-4>
4. Васильев С.А. Зарубежный опыт организации взаимоотношений власти и бизнеса с точки зрения воздействия на урбанизацию // *Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика*. 2023. Т. 58. № 6. 231–246. EDN: <https://elibrary.ru/qrgokn>. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-6-13>
5. Alcaide Manthey N. Postgrowth cities in Germany: Challenges and opportunities of collaborative governance // *Cities*. 2025. Vol. 163. P. 106064. EDN: <https://elibrary.ru/kknmem>. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2025.106064>
6. Dalheim H. A strategic planning process // In: *Planning better cities: A practical guide*. Cham: Palgrave Macmillan, 2023. P. 115–149. https://doi.org/10.1007/978-3-031-33947-9_5
7. Du M. An analytical framework for regional integration development in the Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area urban agglomeration using fuzzy clustering // *Discover Computing*. 2025. Vol. 28. Iss. 1. P. 174. EDN: <https://elibrary.ru/ubttxk>. <https://doi.org/10.1007/s10791-025-09705-z>
8. Kulikova A.N. Influence of the agglomeration factor on labor market indicators with a case study of the Barnaul urban agglomeration // *Regional Research of Russia*. 2025. Vol. 15. Iss. 4. P. 732–741. EDN: <https://elibrary.ru/hzopje>. <https://doi.org/10.1134/S2079970525600714>
9. Wu Y., Zhang Y., Zhang B. The effect of urban agglomeration land use zoning on sustainable development goals // *Scientific Reports*. 2025. Vol. 15. Iss. 1. P. 33427. EDN: <https://elibrary.ru/bawjpo>. <https://doi.org/10.1038/s41598-025-18892-0>
10. Безруков Л.А., Абрамова З.В. Неравномерность развития и типология муниципальных образований Иркутской области // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Науки о Земле*. 2024. Т. 49. С. 3–28. EDN: <https://elibrary.ru/cfjxyo>. <https://doi.org/10.26516/2073-3402.2024.49.3>
11. Ярашева А.В., Макарян С.В. Социальное благополучие населения: территориальные различия // *Народонаселение*. 2025. Т. 28. № 3. С. 150–162. EDN: <https://elibrary.ru/rxhczz>. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2025-3-150-162>
12. Enil Z., Dinçer I. Political dilemmas in the making of a sustainable city-region: The case of Istanbul // *Sustainability*. 2022. Vol. 14. Iss. 6. P. 3299. EDN: <https://elibrary.ru/vdtqet>. <https://doi.org/10.3390/su14063299>
13. Deng X., Song M. Agglomeration and convergence of regional development process in developed regions // In: *Development Geography*. Singapore: Springer, 2025. P. 147–202. https://doi.org/10.1007/978-981-96-6917-2_5
14. Zhou M., Shao W., Huang L. From digital island to resilient networks: The impact of digital economy agglomeration on urban resilience in China // *Humanities and Social Sciences Communications*. 2025. Vol. 12. Iss. 1. P. 1610. EDN: <https://elibrary.ru/illsoc>. <https://doi.org/10.1057/s41599-025-05874-w>
15. Enarsson D., Hinton J.B., Borgström S. Grassroots initiatives transforming cities toward postgrowth futures: Insights from the collaborative economy movement in Gothenburg, Sweden // *Journal of Cleaner Production*. 2024. Vol. 441. P. 140824. EDN: <https://elibrary.ru/nfxumh>. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2024.140824>
16. Hofferberth E. Postgrowth economics as a guide for systemic change: Theoretical and methodological foundations // *Ecological Economics*. 2025. Vol. 230. P. 108521. EDN: <https://elibrary.ru/tovmhn>. <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2025.108521>

17. Дворядкина Е.Б., Белоусова Е.А., Кайбичева Е.И. Экономическое благополучие муниципальных образований и ответственное развитие: возможности измерения // Векторы благополучия: экономика и социум. 2024. Т. 52. № 3. С. 77–93. EDN: <https://elibrary.ru/rekipa>.
<https://doi.org/10.18799/26584956/2024/3/1887>
18. Vendina O.I., Sheludkov A.V., Gritsenko A.A. City-agglomeration: Production and representation of the boundaries of spatial influence of Krasnodar // Regional Research of Russia. 2024. Vol. 14. Iss. Sl. P. S10–S30. EDN: <https://elibrary.ru/mihjpg>. <https://doi.org/10.1134/S2079970524600732>
19. Salikov Y.A., Kuzmenko N.I., Zinovyeva I.S., Korolyuk E.V. Features of agglomeration effect of regional spatial system // In: Socioeconomic Systems: Paradigms for the Future. Vol. 314. Cham: Springer International Publishing, 2021. P. 1415–1427. EDN: <https://elibrary.ru/ikrykp>. https://doi.org/10.1007/978-3-030-56433-9_147
20. Sun B., Lu D., Zhang T., Huang X. Spatial agglomeration and decentralization of social economy // In: The Transforming Spatial Organization in the Information Age. Singapore: Springer, 2024. P. 63–95.
https://doi.org/10.1007/978-981-97-2223-5_4
21. Квинт В.Л., Середюк И.В. Стратегическая оценка соответствия открытых диффузных агломераций глобальным, национальным и региональным трендам (на примере агломераций Кемеровской области – Кузбасса) // Экономика промышленности. 2025. Т. 18. № 1. С. 7–23. EDN: <https://elibrary.ru/mdqpqi>.
<https://doi.org/10.17073/2072-1633-2025-1-1435>
22. Lachininskii S.S., Logvinov I.A., Sorokin I.S. Modern methods for studying the spatial structure of urban agglomerations (a case study of the St. Petersburg urban agglomeration) // Regional Research of Russia. 2024. Vol. 14. Iss. 2. P. 170–180. EDN: <https://elibrary.ru/bugaju>. <https://doi.org/10.1134/S2079970524600100>
23. Otter C. Planetary agglomeration // In: Environment, Agency, and Technology in Urban Life since c.1750. Cham: Palgrave Macmillan, 2024. P. 25–48. https://doi.org/10.1007/978-3-031-46954-1_2
24. Копытова Е.Д., Ворошилов Н.В. Городские агломерации российских регионов: развитие с учетом их экономической специализации // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2025. Т. 60. № 3. С. 241–269. EDN: <https://elibrary.ru/fayrks>. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-3-11>
25. Окрепилов В.В., Коршунов И.В. Управление развитием агломерации в условиях множества конкурирующих целей: задачи и решения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17. № 1. С. 60–78. EDN: <https://elibrary.ru/qhmdgk>. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.1.91.3>
26. Yanting Z. Agglomeration diseconomies // In: Dictionary of Contemporary Chinese Economics. Singapore: Springer, 2025. P. 878–879. https://doi.org/10.1007/978-981-97-4036-9_414
27. Barboza G., Braga A. Agglomeration and spillovers: Concentration versus dispersion. Evidence from regional innovative startups in Italy // The Journal of Technology Transfer. 2025. EDN: <https://elibrary.ru/qouzrm>.
<https://doi.org/10.1007/s10961-025-10293-9>
28. Соболев С.А. Формирование инструментария стратегического планирования для управления развитием российских агломераций // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2023. № 2. С. 75–87. EDN: <https://elibrary.ru/cebzip>. <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2023-2-75>
29. Li X., Li Y.P., Huang G.H., Lv J., Ma Y., Li Y.F. A multi-scenario input-output economy-energy-environment nexus management model for Pearl River Delta urban agglomeration // Journal of Cleaner Production. 2021. Vol. 317. P. 128–141. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2021.128402>
30. Zhao D., Song Y., Zhang M. Research on the resilience enhancement and spatial spillover effect of urban agglomeration construction // Sustainable Cities and Society. 2025. Vol. 134. P. 106964. EDN: <https://elibrary.ru/gegyxi>. <https://doi.org/10.1016/j.scs.2025.106964>

Статья поступила в редакцию 18.05.2026; одобрена после рецензирования 03.07.2026; принята к публикации 29.07.2026

Об авторах:

Ноженко Дмитрий Юрьевич, кандидат экономических наук, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления; SPIN-код: 9046-4920

Шишкина Елена Александровна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления; SPIN-код: 4795-8400

Вклад авторов:

Ноженко Д. Ю. – формулирование идеи, цели исследования, разработка методов, подготовка начального варианта текста.

Шишкина Е. А. – научное руководство, теоретический анализ данных, редактирование, доработка текста.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

References

1. Balatsky E.V. The multilevel management system for Russian economy amid sanctions. *Journal of New Economy*. 2024; 25(2):6–26. EDN: <https://elibrary.ru/lohiky>. <https://doi.org/10.29141/2658-5081-2024-25-2-1> (In Russ.)
2. Belousova E.A. Municipal socio-economic development strategies: The conceptualisation of the post-growth factor. *The Manager*. 2026; 17(1):84–97. EDN: <https://elibrary.ru/vocodi>. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2026-17-1-6> (In Russ.)
3. Mokhov V.G., Pluzhnikov V.G. Modelling economic development of an industrial metropolis. *Journal of New Economy*. 2024; 25(1):28–31. EDN: <https://elibrary.ru/rpjpvq>. <https://doi.org/10.29141/2658-5081-2024-25-1-4> (In Russ.)
4. Vasilev S.A. Foreign experience in organizing state and business relationship and its impact on urbanization. *Lomonosov Economics Journal*. 2023; 58(6):231–246. EDN: <https://elibrary.ru/qrgokn>. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-6-13> (In Russ.)
5. Alcaide Manthey N. Postgrowth cities in Germany: Challenges and opportunities of collaborative governance. *Cities*. 2025; 163:106064. EDN: <https://elibrary.ru/kknmem>. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2025.106064> (In Eng.)
6. Dalheim H. A strategic planning process. In: *Planning better cities: A practical guide*. Cham: Palgrave Macmillan, 2023. p. 115–149. https://doi.org/10.1007/978-3-031-33947-9_5 (In Eng.)
7. Du M. An analytical framework for regional integration development in the Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area urban agglomeration using fuzzy clustering. *Discover Computing*. 2025; 28(1):174. EDN: <https://elibrary.ru/ubttkx>. <https://doi.org/10.1007/s10791-025-09705-z> (In Eng.)
8. Kulikova A.N. Influence of the agglomeration factor on labor market indicators with a case study of the Barnaul urban agglomeration. *Regional Research of Russia*. 2025; 15(4):732–741. EDN: <https://elibrary.ru/hzopje>. <https://doi.org/10.1134/S2079970525600714> (In Eng.)
9. Wu Y., Zhang Y., Zhang B. The effect of urban agglomeration land use zoning on sustainable development goals. *Scientific Reports*. 2025; 15(1):33427. EDN: <https://elibrary.ru/bawjpo>. <https://doi.org/10.1038/s41598-025-18892-0> (In Eng.)
10. Bezrukov L.A., Abramova Z.V. Uneven development and typology of municipalities of the Irkutsk region. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Earth Sciences*. 2024; 49:3–28. EDN: <https://elibrary.ru/cfxjyo>. <https://doi.org/10.26516/2073-3402.2024.49.3> (In Russ.)
11. Yarasheva A.V., Makar S.V. Social well-being of the population: Territorial differences. *Population*. 2025; 28(3):150–162. EDN: <https://elibrary.ru/rxhczz>. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2025-3-150-162> (In Russ.)
12. Enlil Z., Dinçer I. Political dilemmas in the making of a sustainable city region: The case of Istanbul. *Sustainability*. 2022; 14(6):3299. EDN: <https://elibrary.ru/vdtqet>. <https://doi.org/10.3390/su14063299> (In Eng.)
13. Deng X., Song M. Agglomeration and convergence of regional development process in developed regions. In: *Development Geography*. Singapore: Springer, 2025, p. 147–202. https://doi.org/10.1007/978-981-96-6917-2_5 (In Eng.)
14. Zhou M., Shao W., Huang L. From digital island to resilient networks: the impact of digital economy agglomeration on urban resilience in China. *Humanities and Social Sciences Communications*. 2025; 12(1):1610. EDN: <https://elibrary.ru/illsoc>. <https://doi.org/10.1057/s41599-025-05874-w> (In Eng.)
15. Enarsson D., Hinton J.B., Borgström S. Grassroots initiatives transforming cities toward postgrowth futures: Insights from the collaborative economy movement in Gothenburg, Sweden. *Journal of Cleaner Production*. 2024; 441:140824. EDN: <https://elibrary.ru/nfxumh>. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2024.140824> (In Eng.)
16. Hofferberth E. Postgrowth economics as a guide for systemic change: Theoretical and methodological foundations. *Ecological Economics*. 2025; 230:108521. EDN: <https://elibrary.ru/tovmhn>. <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2025.108521> (In Eng.)
17. Dvoryadkina E.B., Belousova E.A., Kaibicheva E.I. Economic well-being of municipalities and responsible development: Measurement possibilities. *Journal of Wellbeing Technologies*. 2024; 52(3):77–93. EDN: <https://elibrary.ru/rekipa>. <https://doi.org/10.18799/26584956/2024/3/1887> (In Russ.)
18. Vendina O.I., Sheludkov A.V., Gritsenko A.A. City-agglomeration: Production and representation of the boundaries of spatial influence of Krasnodar. *Regional Research of Russia*. 2024; 14(S1):S10–S30. EDN: <https://elibrary.ru/mihjpg>. <https://doi.org/10.1134/S2079970524600732> (In Eng.)

19. Salikov Y.A., Kuzmenko N.I., Zinovyeva I.S., Korolyuk E.V. Features of agglomeration effect of regional spatial system. In: *Socioeconomic Systems: Paradigms for the Future*. Vol. 314. Cham: Springer International Publishing, 2021. P. 1415–1427. EDN: <https://elibrary.ru/ikrykp>. https://doi.org/10.1007/978-3-030-56433-9_147 (In Eng.)
20. Sun B., Lu D., Zhang T., Huang X. Spatial agglomeration and decentralization of social economy. In: *The Transforming Spatial Organization in the Information Age*. Singapore: Springer, 2024. P. 63–95. https://doi.org/10.1007/978-981-97-2223-5_4 (In Eng.)
21. Kvint V.L., Seredyuk I.V. Strategic assessment of the compliance of open diffuse agglomerations with global, national and regional trends (Kemerovo region – Kuzbass agglomerations case study). *Russian Journal of Industrial Economics*. 2025; 18(1):7–23. EDN: <https://elibrary.ru/mdqpqj>. <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2025-1-1435> (In Russ.)
22. Lachinskii S.S., Logvinov I.A., Sorokin I.S. Modern methods for studying the spatial structure of urban agglomerations (a case study of the St. Petersburg urban agglomeration). *Regional Research of Russia*. 2024; 14(6):170–180. EDN: <https://elibrary.ru/bugaju>. <https://doi.org/10.1134/S2079970524600100> (In Eng.)
23. Otter C. Planetary agglomeration. In: *Environment, Agency, and Technology in Urban Life since c. 1750*. Cham: Palgrave Macmillan, 2024. P. 25–48. https://doi.org/10.1007/978-3-031-46954-1_2 (In Eng.)
24. Kopytova E.D., Voroshilov N.V. Urban agglomerations of Russian regions: Development through the lens of their economic specialization. *Lomonosov Economics Journal*. 2025; 60(3):241–269. EDN: <https://elibrary.ru/fayrks>. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-3-11> (In Russ.)
25. Okrepilov V.V., Korshunov I.V. Managing agglomeration development in the face of multiple competing goals: Challenges and solutions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2024; 17(1):60–78. EDN: <https://elibrary.ru/dzdobv>. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.1.91.3> (In Eng.)
26. Yanting Z. Agglomeration diseconomies. In: *Dictionary of Contemporary Chinese Economics*. Singapore: Springer, 2025. P. 878–879. https://doi.org/10.1007/978-981-97-4036-9_414 (In Eng.)
27. Barboza G., Braga A. Agglomeration and spillovers: Concentration versus dispersion. Evidence from regional innovative startups in Italy. *The Journal of Technology Transfer*. 2025. EDN: <https://elibrary.ru/qouzrm>. <https://doi.org/10.1007/s10961-025-10293-9> (In Eng.)
28. Sobolev S.A. Formation a strategic planning toolkit to manage the development of Russian agglomerations. *Intellect. Innovations. Investments*. 2023; (2):75–87. EDN: <https://elibrary.ru/cebzip>. <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2023-2-75> (In Russ.)
29. Li X., Li Y.P., Huang G.H., Lv J., Ma Y., Li Y.F. A multi-scenario input-output economy-energy-environment nexus management model for Pearl River Delta urban agglomeration. *Journal of Cleaner Production*. 2021; 317:128–141. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2021.128402> (In Eng.)
30. Zhao D., Song Y., Zhang M. Research on the resilience enhancement and spatial spillover effect of urban agglomeration construction. *Sustainable Cities and Society*. 2025; 134:106964. EDN: <https://elibrary.ru/gegyxi>. <https://doi.org/10.1016/j.scs.2025.106964> (In Eng.)

The article was submitted 18.05.2026; approved after reviewing 03.07.2026; accepted for publication 29.07.2026

About the authors:

Dmitry Y. Nozhenko, Candidate of Economic Sciences, Head of the Department of State and Municipal Management; SPIN: 9046-4920

Elena A. Shishkina, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Regional, Municipal Economics and Management; SPIN: 4795-8400

Contribution of the Authors:

Nozhenko D. Y. – formulation of the idea and the research purpose, development of methods, preparation of the initial text.

Shishkina E. A. – scientific guidance, theoretical data analysis, editing, revision of the text.

All authors have read and approved the final version of the manuscript.